

Горский А. В., прот. Слово на 19-е февраля: [Произнесено в 1871 году в академической церкви] // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 2. С. 173—180 (3-я пагин.).

СЛОВО НА 19-Е ФЕВРАЛЯ *)

*Моло ты о моемъ чадѣ, евоже родихъ во
узахъ моихъ Онисима, иногда тебѣ непотреб-
наю, нынѣ же тебѣ и мнѣ благопотребна,
евоже возпослахъ тебѣ: ты же ео, сиречь
мою утробу, прими (Филим. ст. 10—12).*

Вся Россія привыкла именовать возлюбленнаго Монарха своего Освободителемъ, и настоящій день, день вступленія благочестивѣйшаго Государя на престоль, по волѣ его сталъ первымъ днемъ гражданской свободы для многихъ милліоновъ нашихъ братій и соотечественниковъ. Десять лѣтъ уже исполнилось, какъ совершилось это великое дѣло для земли русской,—и совершилось, при благословеніи Божіемъ, единодушнымъ порывомъ самодержавной власти и добровольнаго жертвоприношенія владѣльцевъ, мирно. Благословимъ Господа Вседержителя, вся управляющаго своимъ промысломъ и призвавшаго рѣшительную мысль и дѣло, во время, когда все уже созрѣло для исполненія великаго начинанія.

Благочестивый зритель судебъ Россіи не можетъ не остановиться вниманіемъ своимъ на томъ, что день сей церковію посвященъ воспоминанію объ апостолахъ Архиппѣ, и Филимонѣ и Апфіи. Филимонъ—это одинъ изъ владѣльцевъ, ап. Павломъ просвѣщенныхъ вѣрою Христовою, котораго раба, Онисима, тотъ же Апостоль, будучи въ узахъ въ Римѣ, приобрѣлъ для Церкви Христовой, и хотя самъ былъ лишень свободы, но ходатайствовалъ за него предъ его господиномъ и въ лицѣ Онисима даетъ намъ видѣть едва ли не первый примѣръ освобожденія изъ рабства при содѣйствіи имени Христова. Апфія, прославляемая вмѣстѣ съ Фили-

*) Произнесено 19 февраля 1871 г. въ академической церкви.

мономъ, вѣроятно была его супруга. А Архиппъ, котораго ап. Павелъ называетъ въ посланіи къ Филимону своимъ соинственникомъ, былъ предстоятелемъ домашней Церкви и близкимъ къ Филимону.

Итакъ мы здѣсь видимъ, какъ еще прежде государственныхъ распоряженій, еще подъ гнетомъ языческаго правительства, рукою апостола, рукою узника, на основаніи ученія Христова, въ тиши мирнаго семейства, полагается первое зерно тѣхъ гражданскихъ правъ, какими впоследствии должно было надѣлать государство огромный классъ рабовъ въ имперіи римской, а потомъ и во всѣхъ народахъ христіанскихъ. Отсюда мы могли бы обозрѣть, какъ великое слово свободы нравственно-духовной, принесенное Иисусомъ Христомъ на землю, произведши свободу гражданскую, обошло разныя области и народы, и наконецъ принесло свой плодъ въ землѣ русской.

Въ настоящемъ случаѣ я желалъ бы остановить вниманіе ваше на томъ, какъ въ словахъ апостола, обращенныхъ къ Филимону съ ходатайствомъ за Онисима, предназначена была программъ этого благотворнаго дѣла и какъ она была принята древнею церковію, чтобы отсюда можно было видѣть отношеніе нашего времени къ примѣру апостольскому и древней церкви.

Молю тя о моемъ чадѣ. Апостоль начинаетъ свою рѣчь прикровенно и не вдругъ высказываетъ предметъ своей просьбы. Онисимъ бѣжалъ отъ своего господина. Но ходатай, не именуя его, напередъ старается расположить Филимона въ его пользу. *Молю тя о моемъ чадѣ.* Можно было бы подумать что дѣло идетъ дѣйствительно о сынѣ его по плоти, если бы не было извѣстно, что апостоль былъ дѣвственникъ. Продолжая прикровенную рѣчь апостоль прибавляетъ: *молю о чадѣ, еяже родихъ во узахъ моихъ.* Итакъ тотъ, за котораго онъ проситъ, его сынъ по духу, сынъ недавно рожденный, рожденный во время его заключенія въ Римъ, слѣдовательно для отца тѣмъ болѣе дорогой, чѣмъ менѣе самъ онъ можетъ объ немъ позаботиться. Кто же это? Апостоль рѣшается наконецъ назвать его имя: *Онисима.* Какъ, Онисимъ? могъ сказать господинъ его. Это тотъ негодный Онисимъ, который бѣжалъ отъ меня? Да, продолжаетъ апостоль: *Онисима, нкогда тебѣ непо-*

требнаго. Я знаю, что онъ тебя оскорбилъ, причинилъ тебѣ ущербъ. Ты его господинъ, ты по законамъ государства властенъ надъ его жизнію и смертію. Онъ точно не былъ полезенъ тебѣ. Но это прежде; теперь не то. Послѣ того какъ онѣ возродился благодатію, и по дѣйствию тойже благодати сталъ сыномъ моимъ, не устыдившись узъ моихъ, не соблаздившись моимъ стѣсненнымъ положеніемъ охотно принялъ на себя иго Христова, теперь онъ *тебѣ и мнѣ благодотребенъ*. Во первыхъ благодотребенъ *тебѣ*. Я сознаю прежде всего твои права на него, и зная его могу хорошо видѣть, какую пользу можетъ онъ принести тебѣ, моему споспѣшнику или сотруднику (ст. 1) въ Евангеліи. Онъ полезенъ тебѣ, но не въ томъ уже смыслѣ, въ какомъ могъ ты рассчитывать на его силы и способности прежде, какъ мірской его господинъ,—а полезенъ тебѣ какъ служителю Евангелія. Въ томъ же отношеніи онъ сталъ благодотребенъ и для меня. Но, прибавляетъ Апостоль, *вознослахъ его; я возвращаю его тебѣ. Ты же его, сиречь мою утробу, прими*. Возвращаю бѣжавшаго отъ тебя, возвращаю къ тебѣ, его господину, по не связаннымъ, а добровольно являющимся съ раскаяніемъ. Онъ является къ тебѣ, какъ сынъ мой, скажу болѣе, какъ сердце мое. И еще усиленнѣе высказываетъ свое ходатайство за него: *прими его не ктому аки раба, но выше раба, брата возлюбленна, паче же мнѣ, кольми же паче тебѣ и по плоти, и о Господѣ* (с. 16). Во Христѣ Иисусѣ получивъ свободу и усыновленіе Богу Отцу, онъ уже не рабъ, а братъ нашъ; братъ, по чувствамъ моимъ, особенно *мнѣ*; но если дорогъ, какъ братъ возлюбленный, мнѣ, то, конечно, еще болѣе тебѣ, прибавляетъ Апостоль съ достоинствомъ. Да онъ, духовно, уже пересталъ быть твоимъ рабомъ; онъ братъ твой возлюбленный, и по плоти, какъ призванный изъ язычниковъ, и въ Господѣ, по вѣрѣ въ Иисуса Христа. Такимъ образомъ, и по внѣшнимъ отношеніямъ уже не должно оставаться ему твоимъ рабомъ; какъ сотрудникъ нашъ въ Евангеліи, онъ достоинъ именоваться и быть по всѣмъ правамъ возлюбленнымъ *братомъ* твоимъ.

Такъ апостоль постепенно своими убѣжденіями доводитъ Филимона не только до прощенія вины бывшему его рабу, но и до необходимости признанія его свободы и равноправ-

ности гражданской. Не расторгая насильственно гражданскихъ отношеній, не требуя отъ господина прямо, силою духовной власти, освобожденія его раба, путемъ убѣжденія напередъ приводитъ раба въ нѣдра Церкви, воспитываетъ его нравственно въ духѣ евангельскомъ, и уже тогда ходатайствуетъ за него предъ господиномъ, или строже говоря, наводитъ его мысль на то, что теперь прежде бывшему его рабу уже нельзя оставаться рабомъ. Апостолъ прибавляетъ еще: *я хотѣлъ его удержать при себѣ, чтобы онъ, вмѣсто тебя, послужилъ мнѣ въ узакъ за благовѣствованіе: но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе твое было не вынужденно, но добровольно* (ст. 13, 14). Не смотря на всю вражду, какою вооружалась власть государственная противъ Евангелія при Неронѣ, не смотря на всю несправедливость и жестокость отношеній, въ какія поставленъ былъ рабъ въ государствѣ римскомъ, апостолъ не хочетъ подавать повода ни къ какому потрясенію и нарушенію гражданскихъ порядковъ. Даровать свободу, отпустить раба своего на дѣло Евангелія пусть остается во власти господина.

И св. Филимонъ не потребовалъ новыхъ побужденій къ удовлетворенію ходатайства апостола языковъ. Онисимъ получилъ свободу, и поставленъ былъ въ епископа, по древнему преданію, Веріи Македонской. Оба Филимонъ и Онисимъ по трудамъ своимъ въ благовѣствованіи причислены церковію къ лику апостоловъ.

Такъ осторожно, такъ мудро, но вмѣстѣ и такъ усердно дѣйствовалъ Апостолъ въ исходатайствованіи своему сыну духовному правъ гражданской свободы, которыми умѣлъ и самъ пользоваться для дѣла Евангелія. И если мы вспомнимъ, что древнія государства всѣ были основаны по порабощенію большей массы народа небольшому кругу избраннаго общества, то можемъ судить, какъ благотворны были виды и стремленія апостола языковъ для всего обновленнаго міра.

Съ распространеніемъ Евангелія болѣе и болѣе становились общими тѣ великія идеи, которыя должны были привести къ облегченію участи отверженнаго класса рабовъ и уравненію ихъ правъ съ прочими гражданами. Христіанство проповѣдывало единство происхожденія всего рода че-

ловѣческаго отъ единыя крове,—чистоту и невинность чело-
 ловѣка въ началѣ, зараженіе его грѣхомъ и вслѣдствіе того
 распространеніе нравственныхъ и физическихъ бѣдствій во
 всемъ родѣ челоувѣческомъ. Тогда явились и работы, какъ
 плодъ насилія, противнаго природѣ, какъ плодъ поработщенія
 челоувѣчества виновнику грѣха. Теперь, Христось Сынъ
 Божій пришелъ на землю, чтобы уничтожить дѣла діавола;
 въ Его царствѣ не должно быть грѣха; Онъ даруетъ нрав-
 ственную и духовную свободу всемъ вѣрующимъ во имя
 Его, всемъ усыновляемымъ Своему Отцу. У Него *нѣтъ рабъ,
 ни свободъ*. Для всѣхъ одно крещеніе, одна трапеза Гос-
 подня. Потому въ обществѣ христіанскомъ не могли уже сами
 по себѣ оставаться въ прежнемъ видѣ отношенія раба и
 господина, особенно когда по своимъ дарованіямъ духовнымъ
 и достоинству нравственному рабъ получалъ въ церкви мѣсто
 предстоятеля и учителя. — Всѣ эти великія идеи зрѣли и
 распространялись съ возрастающимъ обществомъ христіан-
 скимъ; нравственныя убѣжденія получали болѣе и болѣе силы;
 отношенія чаще и чаще измѣнялись. Когда наконецъ, послѣ
 вѣковой борьбы христіанство восторжествовало надъ своимъ
 врагомъ и крестъ побѣдилъ темныя силы своего противника,
 тогда однимъ изъ первыхъ распоряженій св. Константина В.
 было расширить сколько возможно въ пользу рабовъ средства
 къ достиженію свободы гражданской. Тремя законами онъ
 отмѣнилъ различныя стѣснительныя условія, какими обстав-
 лено было это дѣло въ языческой имперіи. И показывая
 источникъ своихъ нравственныхъ убѣжденій въ Евангеліи,
 церквамъ предоставилъ право принимать объявленія о сво-
 бодѣ рабовъ. Благочестивые преемники Константина под-
 держали и расширили это высокоблаготворное дѣло. Па-
 стыри церкви обращали благочестивое усердіе своихъ чадъ
 духовныхъ и собственное достояніе церкви на искупленіе
 страждущихъ въ рабствѣ, и представляя дарованіе имъ сво-
 боды какъ дѣло особенно богоугодное, располагали къ
 тому господь, по крайней мѣрѣ въ ихъ предсмертныхъ за-
 вѣщаніяхъ.

Но нужно было заботиться не объ одномъ только улуч-
 шеніи внѣшняго положенія этой несчастной половины семьи
 церковной. Умственное и нравственное состояніе лишенныхъ
 прежде благотворнаго дѣйствія просвѣщенія требовало также

всей заботливости церкви. Какъ глубоко сознавали эту насущную потребность достойнѣйшіе предстоятели Церкви, мы можемъ видѣть изъ пастырскихъ наставленій великаго святителя столицы восточной имперіи, св. Іоанна Златоустаго.

Обращая вниманіе на множество рабовъ, которыми любилъ окружать себя знатные и богатые люди на площадяхъ, на зрѣлищахъ, святитель константинопольскій осуждалъ этотъ обычай. „Какая нужда во множествѣ служителей? говорилъ онъ. Никакой. Для одного человѣка достаточно и одного слуги. Но строго не спорю: пусть будетъ у тебя и еще одинъ слуга. Если же ты собираешь многихъ, то это не челоуѣколюбія ради, а изъ тщеславія. Если ты заботишься объ ихъ ползѣ, то не держи ихъ въ услуженіи у себя, но *купи ихъ и обучи ихъ искусствамъ, такъ чтобы они могли содержаться на свои средства, отпусти ихъ на свободу*. А то, когда ты бьешь ихъ, когда держишь въ цѣпяхъ, это уже не дѣло челоуѣколюбія, Знаю, что этимъ я досаждаю слушающимъ: но что же мнѣ дѣлать? На то я поставленъ, и не перестану объ этомъ говорить, будетъ ли услыхъ, или нѣтъ (Бесѣд. 40 на 1 посл. къ Кор.). Заботясь о нравственномъ образованіи рабовъ, святитель внушалъ: *„да будетъ слуга нашъ наученъ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу*. Если рабовъ своихъ мы упорядочили, то и для насъ менѣ трудности представить добродѣтель. Если они будутъ обучены въ законѣ Божиемъ, то не будутъ насъ раздражать, не будутъ подавать повода къ обличенію, къ гнѣву, къ брани. А можетъ быть ты и самъ устыдишься своихъ рабовъ, когда они будутъ такъ хороши; и они помогутъ тебѣ и внушатъ тебѣ добрыя расположенія“ (Бесѣд. 45 на Дѣян.). „Всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ въ другомъ случаѣ, что рабы наши дерзки, необразованны, упрямы и не очень способны къ обученію въ добродѣтели: но это зависитъ не отъ природы, а отъ недостатка попеченія о нихъ господь. Никто ни о чемъ болѣе не заботится, какъ только о томъ, чтобы они служили; если же кто попечется и о нравственности, то это въ видахъ собственнаго спокойствія, чтобы не причиняли неприятности своимъ пьянствомъ, воровствомъ и т. п. Если и тамъ, гдѣ смотритъ отецъ, и мать, дядька, воспитатель, учитель, сверстники, гдѣ поддерживаетъ челоуѣка

достоинство благороднаго происхожденія и многія другія обстоятельства, если и тамъ едва ли кто избѣжитъ дурныхъ сообществъ, то что думать о лишенныхъ всего этого, живущихъ съ людьми негодными, обращающихся безъ страха съ кѣмъ хотятъ, незнающихъ никакого надзора за ихъ содружествами? При такихъ обстоятельствахъ трудно рабу быть хорошимъ человѣкомъ. При томъ же они не пользуются ученіемъ, ни виѣшнимъ, ни нашимъ, (т. е. христіанскимъ)“ (Бесѣд. 4 на посл. къ Тит.). И вотъ одна изъ причинъ, почему ревностный святитель такъ настойчиво говорилъ объ умноженіи церквей для сельскаго населенія. Здѣсь еще мало было христіанъ въ его время. Въ устроеніи храмовъ, въ учрежденіи богослуженія по деревнямъ хотя бы и одинъ разъ въ недѣлю, онъ видѣлъ лучше средство къ обращенію простаго люда въ вѣру христіанскую (Бесѣд. 18 на Дѣян. Ап.). Вотъ почему и самъ онъ заявлялъ предъ своими слушателями константинопольскими желаніе оставить городъ и идти къ сельскимъ жителямъ и имъ проповѣдывать. „Сколько, вы думаете, говорилъ онъ, сколько братій вашихъ въ деревняхъ нуждается въ ученіи, да и самые ихъ учителя (т. е. простые сельскіе пастыри) нуждаются въ этомъ. Но вы меня приковавъ держите у себя. Все на насъ слагаете“. (Бесѣд. 9 на посл. къ Колосс.), Вотъ наконецъ причина, почему церковь требовала, чтобы рабы каждую субботу и воскресенье освобождаемы были отъ работъ для посѣщенія храма и наставленія въ благочестіи, и эту заповѣдь признавала какъ апостольскую (Constitutio. Ap. VIII. стр. 33. Правила св. ап. Петра и Павла 1). Такъ улучшеніемъ виѣшняго быта, образованіемъ, наставленіемъ въ законѣ Христовомъ св. Іоаннъ желалъ устроить временное и вѣчное благо меньшихъ своихъ братій.

Обращаясь отъ временъ древнихъ къ нашему времени и отъ странъ отдаленныхъ къ нашему отечеству, и не имѣя нужды доказывать, что положеніе рабовъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, и нашихъ соотечественниковъ, находившихся въ крѣпостной зависимости, не одно и тоже; но тѣмъ не менѣе думаю, всякій съ нами согласится, что дарованіе нашимъ братіямъ драгоцѣнныхъ правъ гражданской свободы, какъ по источнику своему происходитъ изъ того же ученія евангельскаго и по духу своему стоитъ также высоко, какъ

и дѣло первыхъ христіанскихъ императоровъ; а по своей обширности и единовременному исполненію, и какъ не предложеніе только, но и дѣйствительное освобожденіе двадцати милліоновъ, стоитъ выше его.—Теперь остается церкви довершить трудъ нравственнаго и религіознаго воспитанія этихъ огромныхъ массъ народа. Всѣ мы чувствуемъ великость этой задачи. Да не окажемся безсильны, и что еще хуже, нерадивы въ ея выполненіи. Это значило бы, что мы не достойны не только высокаго служенія, на насъ возложеннаго, но и нашего времени. Призовемъ на помощь Господа, Освободителя душъ нашихъ, и въ духѣ любви апостольской, взявъ себѣ въ примѣръ ревность великихъ Отцевъ и пастырей Церкви, будемъ трудиться, каждый по силамъ своимъ, для распространенія въ народѣ христіанскихъ началъ жизни и утвержденія нашихъ братій въ вѣрѣ и благочестіи. *Егоже возслахъ тебѣ, ты же его, сиричь мою утробу, приими.*—Аминь.

Прот. А. Горскій.
